

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Окунь Ю. А.

ФАКЕЛ ПРОМЕТЕЯ

Последние годы отмечены острым интересом российского общества к знанию и познанию наиболее существенных сторон собственного бытия. Предметным выражением интереса стали новые издания забытых ранее философских, исторических и экономических трудов, выход в свет произведений общественной мысли русского зарубежья и новейших отечественных и западных исследований российской истории и современности.

Быстрое заполнение белых пятен повлекло за собой определенные издержки. Проблемы прошлого и настоящего России и отражение их в общественной мысли выглядят возникшими сами по себе, вне той живой ткани европейской истории и ее познания, начала которой восходят к античности.

Опасность разрыва отечественной истории и современности с историей и современностью европейской в известной степени уменьшена последней книгой Э. Д. Фролова.¹ Видный знаток классической древности поставил перед собой цель воссоздать и исследовать важнейшие очертания античной общественной мысли с растворенной в обыденном сознании мудрости гомеровских времен по IV век до н. э., когда поиски греческими мыслителями истинного знания и познания общества принесли свои наиболее зрелые плоды.

Широкий разворот во времени ученый мастерски сочетает со столь же широкой предметной областью исследования. Ключевое понятие общественной мысли охватывает у него философию, историю, политику, теорию государства и права, экономику и социальную утопию. Такое сочетание позволяет ему счастливо миновать соблазн рассматривать достижения античной общественной мысли в музейной неподвижности древностей в старом, винкельмановском смысле слова. Сами по себе достижения античной общественной мысли в их завершенном, каноническом виде интересуют историка значительно меньше, нежели преемственность познавательной деятельности людей, подвластных обычаям, страстям и заблуждениям своего времени и вместе с тем налагающих на время отпечаток собственного облика. Для выражения существа такой преемственности Э. Д. Фролов заимствует у древних образ передачи из рук в руки факела Прометея, — заимствует и выносит в название своей книги.

Злободневность обсуждаемой книги во многом связана с ее местом в истории науки о классической древности. Э. Д. Фролов вольно или невольно подводит итоги длительного периода в развитии отечественного антиковедения. Текст и примечания его книги насыщены множеством имен исследователей античности. Перу его непосредственных предшественников принадлежат обстоятельные труды о движении способа мышления древних от мифа к логосу (Ф. Х. Кессиди) и превращении греческой предфилософии в собственно философию (А. Н. Чанышев), культурном перевороте у греков VIII—V веков до н. э. (А. И. Зайцев), античных истоках исторической мысли (А. И. Немировский), истории и теории социальной утопии древних (А. В. Гуторов). Однако до выхода в свет исследования Э. Д. Фролова все более подробное значение частных скорее подчеркивает, нежели

¹ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли — Л. 1991.

восполняет нехватку целостного концептуального построения истории античной общественной мысли.

Такое построение предполагает успешную постановку и решение проблемы метода. Вопреки распространенному в последнее время замалчиванию или изложению методологических посылок собственного исследования невнятной скороговоркой, Э. Д. Фролов открыто выступает сторонником материалистичного понимания истории. Его философия истории существенно сложнее и тоньше необязательных ныне ссылок на произведения классиков марксизма. Суть его методологии составляет применение материалистической диалектики в постановке и решении тех проблем, которые долгое время по существу оставались вещью в себе.

Пробным камнем познавательных возможностей метода и способа применения его нашим историком служит старый вопрос о том, почему именно греки положили начало научному знанию и познанию мира. Отечественные и зарубежные предшественники ученого не сумели объяснить ключевую роль греков в становлении научной и, в частности, общественной мысли. С. Я. Лурье с излишней прямоотой выводит особенности греческого менталитета из античного способа производства, нимало не смущаясь тем, что способ производства представляет собой повседневную деятельность людей и вряд ли существует вне способа и содержания их мышления. В представлениях А. Боннара греческая цивилизация имеет своим основанием особую совокупность природных условий, наследия более ранних культур и социальных причин, прежде всего — классовой борьбы. Ж. П. Вернан обозначает возникновение научного мышления понятием греческого чуда и, коль скоро понятие чуда по природе своей исключает рационалистическое исследование, уходит от объяснения причин изучаемого им явления.

Содержательные различия построений Э. Д. Фролова имеют своей оборотной стороной весьма существенное сходство. В познавательном отношении они немногим богаче гегелевского сопоставления греческой цивилизации с прекрасной, но быстро облетающей розой, — сопоставление выразительного, художественно точного, но по сути своей глубоко феноменологичного.

Э. Д. Фролов идет иным путем. Истоки античной цивилизации и, в частности, общественной мысли древних он видит в единстве противоположностей, причем противоположностей сугубо материальных. Освоение греками железа, — справедливо подчеркивает историк, — имело двойственные следствия. С одной стороны, оно сделало возможным и действительным частное крестьянское хозяйство, с другой — влекло за собой постепенное превращение племени в античную гражданскую общину, полис, естественным центром которого исподволь становился город, населенный новыми по тому времени общественными слоями ремесленников, торговцев и мореходов. Именно здесь, по тонкому наблюдению исследователя, впервые сложились предпосылки рождения, а затем совершилось и само рождение научного знания и познания мира.

Обоснованно полагая греческий полис колыбелью, предметом и порождением общественной мысли древних, историк делит свою книгу надвое. Первая часть посвящена изучению отражения и дополнения общественной мыслью становления и расцвета полиса, вторая — преломлению и опять-таки дополнению общественной мыслью кризиса полисной цивилизации греков.

Выделение основных слагаемых исследования представляет собой ясное выражение историзма, которым проникнуто строение и содержание обсуждаемой книги. Э. Д. Фролов начинает свои изыскания с подробного рассмотрения гомеровских поэм. Классический, досконально известный памятник древности обретает у него новый, на редкость интересный поворот. Гомеровские поэмы предстают воплощением особого склада и способа

мышления — эпической мудрости, из которой и вырастает впоследствии общественная мысль греков.

По мере движения способа мышления от мифа к логосу эпическая мудрость подготавливает почву и уступает свое место философии. Всеобъемлющая же ранняя философия греков, в свой черед, подготавливает и порождает все новые и новые тогда аспекты познания обществом самого себя, — писаную историю, политические учения, теорию государства и права. В итоге, — подчеркивает историк, — философия естественно обрела положение наиболее общей теории бытия и познания мира, а новые тогда области общественной мысли развивались по своим собственным законам.

Постоянное усложнение строения и содержания общественной мысли древних определяет собой важнейшие аспекты предмета исследований Э. Д. Фролова. Содержательную сторону знания и познания древними собственного общества он рассматривает в тесной связи с античной повседневностью. Особое внимание историк уделяет вопросу о том, почему великолепный расцвет гуманитарной культуры сочетается с более чем скромными достижениями греков в прикладном естествознании и технике. Конечной причиной такого положения дел ученый доказательно полагает рабовладельческий способ производства. При дешевом рабском труде, — замечает он, — и почти натуральном характере крестьянского хозяйства нет ни нужды, ни возможности совершенствовать земледельческие и ремесленные орудия.

Более того, рабовладение налагает свой отпечаток на социальную психологию греков. Единственно достойным свободного занятием они полагают общественную деятельность, преломленную и дополненную общественной мыслью. Политика и познание греческим обществом самого себя из поколения в поколение привлекают наиболее даровитых эллинов. Воспроизведение и объяснение их дел и дней принадлежат к лучшим страницам обсуждаемой книги. Э. Д. Фролов сумел заменить обычные у его предшественников словесные слепки с антиков и бесплатные обозначения тех или иных достижений общественной мысли именами античных мыслителей яркими, выразительными образами живых людей. В доказательство последнего суждения достаточно вспомнить его Гераклита, который с грубой бранью предпочитает играть в бабки, чем быть законодателем в демократическом государстве.

Мастерски выполненные образы Гераклита и позднейших греческих философов, историков и писателей придают безличностному, отвлеченно теоретическому ранее знанию античной общественной мысли новую социально-психологическую достоверность. Вместе с такой достоверностью ученый вносит в наличное знание весьма существенные исправления. Он завершает начатый западными исследователями пересмотр представлений о Сократе. С. Я. Лурье ошибочно считал Сократа теоретиком враждебной демократии знати, Э. Д. Фролов доказательно отстаивает иное мнение. Сократ обоснованно выглядит у него первым греческим мыслителем, который оставил привычную, обжитую натурфилософию ради обнаженных кризисом полса проблем личности и общества. Именно Сократ, — замечает историк, — впервые выработал метод и создал опять-таки первое целостное учение, несущее в себе начала социологии, политической экономии и теории государства и права.

Среди ключевых положений сократовского учения исследователь подчеркивает идею особых способностей, надлежащего образования и длительной подготовки государственных деятелей. В этой идее, по справедливому наблюдению антиковеда, следует видеть не воплощение аристократических притязаний на власть по праву знатности и богатства, но

отражение и составную часть развития античного общества и античного же знания о нем.

Еще более существенные исправления ученый вносит в представления о Ксенофонте. Восприятие личности и творчества греческого политика, видного военного и писателя окрашено в немецкой и отечественной литературе первой половины века четко выраженной неприязнью. В. Шмидт и К. Христ полагают его отпрыском и глашатаем умственно ограниченного аттического юнкерства. У. Вилламовиц-Меллендорф видит в его наследии не более чем сочинения майора в отставке. Хлесткие, но бездоказательные положения немецких филологов укоренились в отечественной науке с легкой руки С. Я. Лурье и его последователей. Упрощенное понимание классовости и партийности общественной мысли побуждает их отрицать философское значение сократических произведений Ксенофонта, ставить под сомнение достоверность его исторического труда и видеть в бесспорном писательском даровании древнего автора всего лишь подсобное средство выражения антидемократических настроений знати. В итоге место Ксенофонта в истории общественной мысли древних длительное время занимает ошибочный познавательный образ, который по содержанию и способу построения принадлежит не античности, а новому времени.

Э. Д. Фролов удачно выходит из трудного положения. Не вдаваясь в историографические споры, он создает качественно новый образ античного политика, воина и мыслителя, — образ, в основе которого лежат почти сорок лет занятий ксенофоновским наблюдением. Его Ксенофонт в чисто философском смысле уступает Платону и Аристотелю, но владение сократовским методом вместе с личным опытом политики, войны и экономики и крупным даром слова позволяет ему занять в общественной мысли древних видное положение блестящего политического писателя, предтечи и вестника во многом предугаданного им эллинизма.

Социально-психологическая и содержательная сторона общественной мысли древних не исчерпывают предмет исследования Э. Д. Фролова. Большое внимание ученый уделяет развитию античного рационализма в качестве способа мышления и метода познания общества. Интерес к логико-методологической стороне общественной мысли древних красной нитью проходит сквозь всю обсуждаемую книгу. В доказательство достаточно привести вынесенное ученым в название первой части его труда понятие торжества и трагедии рационализма.

Правда, выразительное с виду название вряд ли можно считать удачным, коль скоро возникает нежелательное для автора впечатление, согласно которому в античной общественной мысли IV в. до н. э. рационализм уступает место мистике, а познание вытеснено откровением. Обусловленное единственным и тем более досадным просчетом ученого, впечатление это развеивается по мере знакомства с текстом. Сократовский демон и платоновская идея обоснованно поставлены антиковедом ближе к обозначению рационально познаваемой объективной данности, нежели к доступной лишь откровению мистической сущности в позднейшем смысле слова. Более того, рационалистическое мышление в IV в. уверенно набирает силу. В самом деле, досократовская мысль греков лишь подыскивает рационалистическое объяснение общества в качестве слагаемого мировой гармонии, целостности, космоса в изначально дословном значении понятия. Сократ же и его преемники предъявляют свои рационалистические умозрительные построения несовершенной общественной действительности в качестве мерила и нормы должного.

Впрочем, пересказывать книгу Э. Д. Фролова не стоит. Ее стоит читать, благо читается она легко и с интересом. Текст вырос из лекций вне университета, которые видный знаток античности многие годы читал, по

удачному выражению прошлого века, просвещенным любителям классики, — вырос и сохранил обаяние живой речи, размышления вслух, а может быть — и сократовского совместного поиска истины. Широкий, на редкость привлекательный круг участников такого поиска включает в себя древних авторов и крупнейших отечественных и зарубежных исследователей греческой древности. Общение с ними придает ясность и злободневность тем причинам, которые, по наблюдению Энгельса, побуждают нас снова возвращаться в философии и во многих других областях к достижениям маленького, универсально одаренного народа — древних греков.

В. Ф. Мамонов

ЗА ГРАНИЦАМИ ИСТИНЫ

(Заметки по поводу «Истории казаков» А. А. Гордеева)

Похоже, что у книги А. А. Гордеева «История казаков»¹ есть все шансы для того, чтобы попасть в число бестселлеров. Во-первых, потому, что сейчас как, пожалуй, никогда велик интерес к истории казачества, которое возрождается и достаточно активно заявляет о себе в общественно-политической жизни. Во-вторых, привлекает, конечно, и личность автора. Известно, что при колоссальном росте внимания к отечественной истории, престиж отечественных историков сегодня (и в общем-то справедливо!) на нулевой отметке, если только не ниже. А. А. Гордеев с этой точки зрения — автор просто идеальный. Хоть и русский, но эмигрант, а значит как бы еще и иностранец. Работу свою написал за рубежом и впервые издал в Париже. Лучшей аттестации для книги сейчас просто и быть не может. В-третьих, книга и сама-то написана довольно задиристо и бойко, что чрезвычайно нравится публике. Но кроме того, ее сопровождает еще более бойкая и задиристая реклама. «Научная смелость», «новизна», «оригинальность концепции» — вот далеко не полный перечень тех эпитетов, на которые не скупятся авторы критических, рекламных и рекламно-критических статей. Успех поэтому почти гарантирован заранее. Ему если и может что-нибудь помешать, так только чтение самой книги.

При чтении же прежде всего бросается в глаза то, что автор книги не профессиональный историк. Судя по всему, он взялся за большой и сложный труд написания истории российского казачества движимый горячей любовью к казачеству, а также, видимо, потому, что профессиональные историки не спешат взять на себя этот труд.

Книга А. А. Гордеева поэтому и имеет едва ли не все характерные для такого рода работ достоинства и недостатки. Из достоинств наиболее важное, конечно, смелость. Известно давно: там, где профессиональный историк, изучив по проблеме груды материалов, осторожно и с тысячью оговорок уточнит, наконец, несколько более или менее второстепенных деталей, там дилетант, не обремененный излишними знаниями, без страха и сомнений непременно создаст свою собственную концепцию, совершенно оригинальную или во всяком случае ни на что не похожую. Именно так поступает и А. А. Гордеев. Не ограничиваясь пересказом давно уже известного и уточнением мелких частных деталей, он выносит на суд читателей свою собственную концепцию истории зарождения казачества страны.

Недостатки тоже довольно обыкновенны для такого рода работ. Наиболее существенные из них: отсутствие необходимых знаний по истории вообще

¹ Гордеев А. А. История казаков. Ч. 1—2 М.: Страстной бульвар 1991—1992.